

Сатыбалдиева Р. А.,
кандидат философских наук, и.о. доцента
кафедры философии и общественных наук
Кыргызской государственной медицинской академии
имени И. К. Ахунбаева

Социокультурные особенности политических процессов в современной Центральной Азии глазами интеллигента

Постсоветская Центральная Азия, один из самых закрытых регионов бывшего СССР, после падения железного занавеса и двадцати лет независимости - регион самобытный и во многом противоречивый. Бурные политические процессы в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане, Таджикистане, Туркмении, поиски своего лица, потребность в выработке индивидуальных культурно-идентификационных моделей каждой страны, дебаты о национальной идее, поиске своего места в глобальном меняющемся мире, которые происходят как в научных, так и в околонаучных кругах, определяют место новых политических акторов в мировом сообществе. Безусловно, указанные процессы стимулируют Россию к выработке новых подходов к формированию образа данной страны в этих государствах.

Опыт реформ показывает, что переходные общества своеобразно сочетают *демократические и авторитарные черты*. Поэтому очень важно выяснить, что способствует относительно устойчивому равновесию обществ переходного типа, каким образом можно определить природу и направление происходящих в них процессов. Ведь именно это, в конечном счете, является фактором, определяющим взаимодействие *новых постсоветских государств*, в частности *центральноазиатских*, с другими странами [12.]. Остановимся на *социокультурных факторах* как детерминанте процесса формирования образа России в регионе. Хотелось отметить мнение *Ш. Эйзенштадта*, одного из ведущих теоретиков социологии развития, который подчеркивает, что «комбинации символических и организационных характеристик оказывают значительное воздействие на формирование социальной среды, ее внутреннюю динамику, ее приспособляемость к различным историческим наслоениям, ее способность к развитию. Кроме того, эти факторы, находясь в различных обществах в различных соотношениях, воздействуют также на интенсивность конфликтов в конкретных обществах и формы потенциальной связи межгрупповых конфликтов с системными противоречиями, а также на возможные последствия изменений» [10. 90–91.].

Центральноазиатские государства - общества, длительное время существовавшие *в пространстве советских социокультурных стандартов*, основанных на *аккультурации культур* всех без исключения народов СССР. Сегодня исследовательский вектор сместился в сторону *компенсаторных теорий*, обращенных к исследованию культур *«государствообразующих» этносов*. Большой прогресс в процессе аккультурации был достигнут в Среднеазиатском регионе в силу *недифференцированной этнической и культурной идентичности местных обществ*, построенных еще на *родоплеменных отношениях* (со сходными явлениями столкнулись США при строительстве *«демократического государства»* в современном Афганистане. В результате когда-то общее историко-культурное пространство Ирана и Турана, собственно, и являющееся географической Центральной Азией, стало предметом дележа и причудливых изысканий). О советской культурной традиции и ее влиянии на развитие региона можно говорить много, существует немало интересных исследований этой проблемы. Мы исходим из признания

значительной степени влияния прошедших 70 лет на модернизационные процессы в регионе, которое не может не сказаться на отношениях с Россией в двадцать первом веке.

Распад Советского Союза и объявление суверенитета вернули Среднюю Азию в исходную точку, обогатив общества элементами советской цивилизации, **моноагрокультурами** - хлопком и пшеницей, **монопромышленностью** - в основном добывающей, **монокультурой** - «социалистическим реализмом» [3.]. С этим наследством страны региона вошли в XXI век в качестве **равноправных участников** мировых политических, экономических и культурных процессов.

Отвергнув идеологию коммунизма, провозгласив себя ориентированными на рынок, светскими, демократическими и полиэтническими, они принялись за создание и укрепление основ государственности. Но принципы советской культурной политики, подход к культуре как к инструменту обслуживания власти сохранились и в новых условиях, поэтому формирование позитивного образа страны в первую очередь должно учитывать данную культурную политику. Обретя суверенитет, новые государства столкнулись с необходимостью **политико-культурной самоидентификации**. Средства ее достижения различны для каждой из стран региона, но, безусловно, можно выделить ряд общих черт. Например, **В. Ибраева** в своих работах говорит о так называемой «**монументальной пропаганде**». Цель этой пропаганды - утверждение глубокой историчности новых государственных образований. Механизм прост: из анналов истории выискиваются наиболее подходящие для этого факты и персоналии, производится ревизия археологических и исторических изысканий, пересматриваются мифология и фольклор. В процессе выработки культурно-идентификационной модели понятия «**суверенное**» и «**национальное**» получают трактовку, основанную на приоритете «**государствообразующих**» **этносов**, каждый из которых и выискивает своего «**отца нации**», вставляемого в идеологическую дыру, образованную развенчанием культа **В. И. Ленина** [3.]. В Казахстане символом нации стал борец с российским колониализмом **Абылайхан**, в Узбекистане - средневековый завоеватель **эмир Тимур (Тамерлан)**, в Туркменистане - ныне покойный герой современности **Туркменбаши**, в Таджикистане - **Исмаил Самани**, основатель династии Саманидов. Эти технологии используются по ряду причин, как объективных, так и субъективных; основная из них - обоснование идеи преемственности власти.

Конечно, можно говорить о **новых культах личности**, о появлении **авторитарных режимов**, но пока современные процессы обозначаются как «**возрождение национальной духовности**» и «**возвращение к традиции**»; именно эти факты практически у всех стран региона являются **детерминантами национальной идентичности**. Процессы поиска идентичности и корней, лозунги возвращения к традиции и возрождению национальной духовности, пафос утверждения древнейших основ государственности и неизбежности суверенитетов в Среднеазиатском регионе, исторические исследования, апелляции к историческим и современным эстетическим системам, привлечение архаических и новых технологий - все подобные усилия направлены на **персональные самоидентификации лидеров**.

Еще один важнейший социокультурный фактор - **язык**. Изменения в области этнической идентичности и языковой практики в Средней Азии - предмет подробного социолингвистического исследования, отраженного в книге **Джейкоба М. Ландау и Барбары Келлнер-Хайнкеле «Языковая политика в постсоветских государствах»** [12. 183-184.], в котором авторы приводят примеры разного рода изменений в языковой практике региона. Один из центральных тезисов книги заключается в том, что советская политика русификации оказала не такое глубокое влияние на формирование национального сознания населения, как это считалось ранее. Доказательством может служить переход ряда государств региона на **латинскую письменность**. Поддержка национального языка политически выгодна для целей идентификации. Об этом пишет и **С. Хантингтон**: «На

языковом фронте дух Вавилонской башни торжествует над духом универсализма и еще раз подтверждает подъем стремлений к цивилизационной идентичности» [8. 190–191.].

Обсуждая *проблемы лидерства, рекрутирования элит, политический процесс* в целом в современных центральноазиатских государствах, нельзя не упомянуть о явлении *трайбализма*, который в постсоветский период становится *центральным элементом внутренней политики* [4.]. Политологи выделяют разнообразные причины его актуализации, в частности, причину видят в результате *«регенерации» феодально-патриархальных*, а в Казахстане и Киргизии - *родоплеменных, номадных отношений* (особенно в сельских местностях). Эти отношения фактически легализованы во всех без исключения государствах Центральной Азии [1. 13-23]. Среди *основных характеристик трайбализма* можно выделить *детерминирование родоплеменных отношений в политическом процессе*, например, *механизм рекрутирования элит по клановому признаку* и, как следствие, *дифференциацию по родоплеменному признаку*.

Центральноазиатские общества состоят из *племен вторичного типа, субэтносов*. Это своеобразные этнические субстраты, использующие в политических целях идеологию племенной солидарности. Тенденции политогенеза в таких обществах (сообществах) изначально базируются на организации управления по принципу *«племенных ханств и аморфных конфедераций»* [4.]. Племена столетиями живут компактно, в ареалах сравнительно изолированных друг от друга. В обществах такого типа *общезнаковая самодентификация* сочетается с *племенным самосознанием*. Например, в числе *«чистых» таджиков* фигурируют *«памирцы», каратегинцы, дарвазцы* - потомки древних обитателей этих мест. *«Нечистыми»* якобы являются *кулябцы и ленинабадцы*, которые смешались с *тюркскими племенами* [9. 10]. Подобное деление современных «наций» можно проследить в Казахстане (*северные, южные, западные*), в Кыргызстане (*северные и южные*), в Узбекистане, где *самаркандский клан* ведет борьбу то с *джизакским*, то с *бухарским и ферганскими клановыми группировками* [2.].

Всюду положение усугубляется сохранением *деления территориальных общностей на субэтнические группы* при одновременном превращении территориальных групп в этнизированные общности, каждая из которых считает себя *этнически более «чистой»*, чем другие. Так, для *ташкентских узбеков «ферганские* вообще считай, что и не узбеки» [7.].

Встает вопрос об оптимальном политическом устройстве государств региона. Ведущие российские политологи признают сегодня целесообразность федерализации стран Центральной Азии по типу Швейцарской конфедерации или Арабских Эмиратов [6.]. Связь между советским и постсоветским периодами состоит в усугублении этнического регионализма в результате эмиграции русскоязычного населения. Эти современные реалии являются следствием пассивной политики России по отношению к государствам региона вплоть до конца девяностых годов двадцатого века.

Так или иначе, с подачи некоторых политологов в конце 1980-х–начале 1990-х годов было создано убеждение в *«ненужности» республик Центральной Азии для России и российского населения*. Добровольный отказ России от зоны ее естественного влияния дал повод различным региональным и глобальным силам включить регион Центральной Азии в свои перспективные планы, попытаться усилить там собственное влияние [5.].

Хотя в 1991-1995 годах *авторитет России* во всех мусульманских районах бывшего СССР резко уменьшился, ей удалось сохранить значительное влияние в центральноазиатском направлении. Этому способствовал ряд объективных факторов, прежде всего проживание в этих государствах *большого количества русскоязычного населения*, хотя за последние годы произошел его значительный отток в Россию и другие государства СНГ. Таким образом, для России наиболее реальным остается *укрепление экономических, военных, политических связей* с центральноазиатскими государствами. Поэтому интеграционные процессы представляются наиболее приемлемым вариантом политичес-

кого и экономического развития, как для России, так и для стран Центральной Азии. Но проблема формирования позитивного образа страны остается исключительно актуальной.

Литература:

1. *Акишев А. П.* Центральная Азия: новое средневековье? // Тамыр. - Алматы. - 2000. - № 1 (2).
2. *Глумсков Д.* Узбекский рецидив ... или узбекская свобода // Эксперт-Казахстан. - 2005. - № 10 (36). 23 мая.
3. *Ибраева В.* В ожидании Годо: среднеазиатская версия поиска идентичности // Навигатор. 2005. Март.
4. *Кадыров Ш.* Институт президенства в клановом постколониальном обществе // Люди и мифы. Сборник статей из журнала «Вестник Евразии» / Сост. С. А. Панарин. - М.: «Наталис», 2003.
5. *Мукимджанова Р. М.* Страны Центральной Азии. Азиатский вектор внешней политики. - М.: Научная книга, 2005.
6. *Наумкин В.* Я верю в кыргызское чудо... (Интервью Азамату Тынаеву) // Вечерний Бишкек. - 2005. - № 96. 25 мая.
7. *Смирнов В.* Религия + деньги: кто поднял восстание в Андижане? (Интервью с Вячеславом Смирновым, директором НИИ политической социологии) // Русский журнал. - 2005. 25 мая.
8. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. - М.: Изд-во АСТ, 2003.
9. *Чвырь Л. А.* О структуре таджикского этноса (Научная и народная точка зрения) // Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. - Ежегодник. 2001. - Вып. 27. - М.: Наука, 2001.
10. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ: сравнительное изучение цивилизаций. - М., 1999.
11. <http://www.politex.info/content/view/366/30/>; Журнал ПОЛИТЭКС
12. *Landau J., Kellner-Heinkele B.* Politics of Language in the Ex-Soviet Muslim states: Hurst and Company, 2001.